

Бодрунов С.Д.

**Великая Русская Революция 1905-1917 годов:
уроки для современной России**

(Доклад на Абалкинских чтениях Вольного экономического общества (ВЭО) России (Всероссийской конференции) «Город трех революций: к столетию российских революций XX века», Санкт-Петербург, Таврический дворец, 26 января 2017 г.)

В этом году мы отмечаем не просто 100-летний юбилей революции, произошедшей в 1917 году. В начале XX века начался более широкий революционный процесс, исходным пунктом которого были еще события 9-13 января 1905 года (по старому стилю, или 22-26 января по-новому).

Именно тогда, по сути дела, был сделан первый шаг по дороге Великой Русской Революции.

Прошло столетие. Но не устаревают вопросы: ПОЧЕМУ? Почему – Революция? Почему – в России?

Ответы на эти вопросы, казалось бы, давались неоднократно. Но почему же тогда не утихают дискуссии, которые начались еще тогда, 100 лет назад?

Я думаю, причина в том, что здесь есть огромное поле для беспристрастного научного анализа, и именно с этой целью мы собрались сегодня на эту конференцию.

Революция вызывается к жизни крайним обострением общественных противоречий и служит средством разрешения этих противоречий. Однако, если такое разрешение происходит через революцию, то, как показывает наш (и не только наш) исторический опыт, социальная и человеческая цена выхода из клубка накопившихся проблем оказывается крайне высока. Именно поэтому следует искать иные пути разрешения накопившихся противоречий, позволяющие обойтись без революционных потрясений.

В этом пункте я бы не разделял точку зрения Маркса и Ленина, которые как раз в революциях видели «локомотивы

истории» [Маркс, 1956, с. 86] и называли их «праздником угнетенных и эксплуатируемых» [Ленин, 1956, с. 103]. Даже призывы к "мирной" революции являются крайне рискованными, ибо любой революционный переворот несет в себе потенциал обострения конфликтов, ведущих к крови, насилию, гражданским войнам. Поэтому нельзя согласиться с позицией, выражаемой не только крайне левыми политиками, но и иными исследователями, которые, пусть и в осторожных выражениях, но недвусмысленно говорят о желательности революционного преобразования современного общества. Помните – «есть у революции начало, нет у революции конца!»?

В тоже время нельзя закрывать глаза на тот факт, что на определенных этапах исторического развития формируются *объективные* противоречия, требующие качественных перемен в экономических отношениях, системе социально-экономических институтов, в политической системе, в идеологической и духовной сферах.

Именно такие противоречия сложились в Российской империи в начале XX века.

Назовем некоторые.

* * *

Вот – первое.

Россия, с одной стороны, создала к началу XX столетия в ряде отраслей технологический потенциал мирового уровня. Страна обладала современной военной промышленностью, высоким уровнем развития судостроения, демонстрировала впечатляющие темпы железнодорожного строительства (за 1895-1899 гг. железнодорожная сеть росла по 2751 версте в год, за 1900-1904 гг. по 1810 верст в год) [Россия.1913 год, 1995], добилась немалых достижений в научно-технической сфере (аэроплан Можайского, лампочки Яблочкова и Лодыгина, радио Попова, научные разработки Менделеева, Сеченова, Вернадского...). Огромный вклад в преобразование России, превращение ее в индустриальную державу внес С.Ю.Витте, усилиями которого были созданы не только объекты промышленной инфраструктуры, – но, что гораздо важнее – институциональные предпосылки для индустриальной

модернизации российской экономики на сломе столетий. Наш институт, ИНИР, который носит имя этого замечательного ученого, большого мыслителя и выдающегося государственного деятеля России, представил научному сообществу многие исследования, подтверждающие большую роль С.Ю.Витте в становлении современной России.

В то же время в целом в России преобладало доиндустриальное производство, сосредоточенное по преимуществу в сельском хозяйстве, где была занята подавляющее большинство населения. Удельный вес городского населения в России составлял в 1913 году всего 14,2% [Статистический ежегодник, 1914]. При этом отношение мощности механических двигателей, применявшихся в сельском хозяйстве и в обслуживавших его предприятиях, к живой рабочей силе (человека и животных) было: в России – 24%; в Англии – 152%, в Германии – 189%, в Соединенных Штатах Америки – 420% [Шигалин, 1956].

Или – возьмем духовную сферу.

Здесь сложились не меньшие контрасты. «Серебряный век» дал выдающиеся образцы в поэзии, музыке, живописи, литературе, театре. Поэзия Блока, Брюсова, Есенина, балеты Дягилева, пьесы Чехова в Московском художественном театре, живопись Серова, Бакста, Малевича, Кандинского, музыка Рахманинова, Свиридова, Скрябина – перечисление всего того, что навсегда вошло в российский и мировой культурный фонд, можно множить и множить. Русская культура, во всех ее жанрах, была модой и драйвером развития европейской культуры начала XX века. В России сформировалась и оригинальная философская школа (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и др.). Широкое развитие получила книгоиздательская деятельность – по числу издаваемых книг Россия занимала третье место в мире после Германии и Японии.

С другой стороны, в России был весьма высок уровень неграмотности и невежества большей части населения. Согласно Всероссийской переписи населения 1897 г., в России средний уровень грамотности составлял 21,1%: у мужчин 29,3%, у женщин 13,1%. Усилия, предпринимавшиеся для введения хотя бы всеобщего начального образования (через церковно-приходские школы и земские народные училища), так и не дали удовлетворительных результатов. В 1914 году охват школой детей

в возрасте от 8 до 11 лет составлял по империи 30,1 % (в городах 46,6%, в сельской местности 28,3%) [Россия 1913 год, 1995].

Наконец, не менее противоречивая ситуация складывалась и в сфере экономических отношений, которые далеко не в полной мере способствовали решению главной задачи, стоявшей как перед российской, так и, в целом, перед мировой экономикой, – задачи перехода на рельсы развернутого индустриального материального производства, основанного на новейших для того времени технологиях. Речь шла о развитии металлургии и химической промышленности, о широком применении электричества в промышленности и в быту, двигателей внутреннего сгорания – на транспорте, развитии таких средств связи, как телефон и радио.

Теоретики II Интернационала (Владимир Ленин, Рудольф Гильфердинг, Карл Каутский) были правы, отмечая, что тогдашний мир вступил в эпоху империализма, составляющую новую стадию в развитии капитализма. Но они далеко не в полной мере учли значение того важнейшего факта, что в основе концентрации производства и капитала, ведущего к образованию монополий и приобретению государством новой экономической роли, составивших суть империализма, лежали изменения, происходящие в материальной базе – научно-технический и индустриальный прогресс, освоение передовыми экономистами новых технологий, переход их на новый технологический уклад. Ошибкой леворадикальных теоретиков было то, что они, не понимая важности этой компоненты цивилизационного развития, не выделяли ее прогрессивного аспекта и не видели соответствующего потенциала развития сформировавшегося на базе развившегося индустриального способа удовлетворения человеческих потребностей нового устройства общества, капитализма (а об объективности такой "связки", неизбежности "вырастания" капиталистических отношений из развития индустриального способа производства говорил, пусть и в неявной форме, еще Г.В.Плеханов (см. его "Наши разногласия...") – и полагали, что империализм, сформировавшийся в начале XX века, является конечной фазой капитализма. А отсюда следовала и ставка на революционное разрешение общественных проблем, которые, действительно, достигли в тот период немалой остроты, в особенности в России.

Свойственные России архаичные экономические отношения, связанные с сохранением феодальных пережитков (помещичье землевладение, мздоимство, бюрократическая регламентация предпринимательской деятельности), сохранение сословного неравенства в общественном устройстве, выступали как препятствия на пути экономического развития. Они тормозили предпринимательскую активность, обеспечивающую прогресс индустрии и содействующую развитию науки, культуры и образования (широко известна меценатская деятельность таких предпринимателей, как Мамонтов, Морозов и другие). Предпринимательство в силу таких препятствий нередко консервировалось в отсталых, архаических видах, сохранялись допотопные формы эксплуатации, что, естественно, не содействовало трудовой активности населения и вызывало к жизни социальные конфликты.

Эти проблемы в начале XX века были усугублены *внешними шоками*: поражением в русско-японской войне 1904-1905 гг., а затем – и неудачным для России течением военных действий в Первой мировой войне.

Главный урок, который следует извлечь из этих событий, заключается в том, что, отвечая вызовам, диктуемым неостановимым прогрессом человечества в сфере удовлетворения потребностей всё более "ускоряющимися" методами, необходимо своевременно обеспечивать переход к более прогрессивным формам в области экономических отношений, в политическом устройстве и в духовной жизни. И эти формы должны, обеспечивая простор развитию материального производства на основе новейших технологий, быть адекватными по своим параметрам достигнутому обществом технологическому уровню.

В этой связи, обращаясь к сегодняшнему дню, подчеркну: неверно думать, что в настоящее время на смену обществу, основанному на материальном индустриальном производстве, пришло некое постиндустриальное общество. Напротив, сейчас – как никогда! – насущной (и не только в России, но даже и в более развитых странах) является проблема возрождения индустриального производства – нового качества, на более продвинутой научно-технологической базе, приоритизации индустриального прогресса в формировании разрабатываемой в наши дни новой модели

экономического роста, при соответствующей и своевременной организации общественно-экономических институтов.

Но вернемся к событиям столетней давности.

* * *

Итак, революция, половинчатая и непоследовательная, начавшаяся в 1905 году, не была завершена. Неразрешенные ею противоречия не могли не привести к продолжению революционного процесса.

Поэтому – логично, что революция, развернувшаяся с февраля 1917 года, вызвала к жизни целый ряд экономических и политических течений, каждое из которых по-своему пыталось решить проблему нахождения форм, которые обеспечивали бы становление более адекватных механизмов удовлетворения общественных потребностей, по сути – позволявших решать эти задачи через более прогрессивное развитие производства, базирующееся на освоении новейших технологических достижений. Но в полной мере решить эту задачу не удалось ни одной из общественно-политических сил той эпохи. Однако через череду революционных потрясений, войн, внутренних переворотов Россия все же вышла на дорогу развития современной индустрии, реализации адекватных форм экономической организации, создания востребованных этой индустрией науки и образования.

Многие ученые, справедливо говорящие о необходимости возрождения высокотехнологичного индустриального производства в современной России, как будто бы забывают, что прогресс современного материального производства можно обеспечить лишь на основе интеграции производства, науки и образования, а также прогресса культуры, соответствующего этим задачам. Последнее надо подчеркнуть особо, ибо разрушение культурных завоеваний общества в ходе революционных потрясений отбрасывает нацию назад в историческом измерении. И это – один из важнейших негативных уроков, который мы должны извлечь из нашего исторического опыта.

Обращаясь к урокам Февраля и действий Временного правительства, надо подчеркнуть, что абстрактные лозунги всеобщей либерализации, оторванные от практических задач

развития материального производства, формальное насаждение либеральных институтов – все это само по себе не дает позитивных результатов. Шаги в либеральном направлении могут дать результат лишь при опоре на такие меры, которые обеспечивают принципиально более широкие возможности удовлетворения растущих запросов, в первую голову – прогресс производства, науки, образования, культуры, которые опираются на поддержку народа и соответствующие регулирующие меры государства.

Не менее важные уроки следует извлечь и из Октябрьских событий. Попытка насильственного насаждения марксистских теоретических схем не дала желаемых результатов, так же, как и попытка насаждения перед этим схем либеральных. В конечном итоге пришедшим к власти большевикам пришлось решать именно объективно обусловленные требованиями общественного развития – задачи подъема индустрии, науки, образования, культуры, далеко уйдя от теоретических схем Маркса.

Эти задачи были осознаны и поняты достаточно быстро – и приняты, как говорится, к исполнению. Предпринятые шаги в этом направлении (ГОЭЛРО, индустриализация) принесли серьезное продвижение по пути удовлетворения упомянутого выше общественного запроса. К числу позитивных результатов можно отнести создание в СССР целого ряда современных отраслей индустрии, преодоление неграмотности, широкое развертывание научных исследований, выведшее нашу страну, несмотря на колоссальный социальный и экономический ущерб, нанесенный Великой отечественной войной, очень быстро, к 50-м – 60-м годам XX века, на самые передовые рубежи в целом ряде областей (достаточно упомянуть освоение космоса и создание атомной промышленности). Не все помнят о том, что одной из важнейших организационных форм, обеспечивших дальнейшее движение по пути такого прогресса, были научно-производственные объединения, интегрированные с образовательными структурами.

Но цена эти достижений была высока; довлевшие и становящиеся всё менее отвечающими темпам научно-технического прогресса и развития общества "замерзшие" идеологические схемы и соответствующие организационно-

политические конструкции всё более становились тормозом прогресса, и в конечном итоге советская модель общественного устройства не выдержала этого возрастающего противоречия.

Означает ли это, что мы должны отбросить ценности либерализма или левого проекта?

Отнюдь.

Но и простая их конвергенция тоже невозможна.

Нужны новые решения, и об этом в первую очередь заставляют нас задуматься уроки Великой Русской Революции.

* * *

XX век, начавшись с эпохи, названной продолжателями марксистского взгляда империализмом, на самом деле – и в этом его главное предназначение с точки зрения цивилизационного развития – открыл человечеству возможность массового удовлетворения массовых потребностей на базе индустриального способа производства. И эта возможность до сих пор реализована отнюдь не во всех странах; в то время как на пороге опять стоит уже новый технологический уклад и новый тип материального производства, требующий новых решений в экономической, социальной и культурной сферах. Наступила эпоха возрастающих глобальных противоречий, чреватых серьезными потрясениями. И нам надо понять роль и место России в этом мире и в перспективных горизонтах.

Опять – тот же классический вопрос: что делать?

Изучение исторического опыта различных типов сочетания демократии и авторитаризма, рынка и плана, в исторических формах XX века, опыта нашего и зарубежного, в конечном итоге подводит нас к ряду принципиально важных выводов.

1. Единственным драйвером цивилизационного развития является объективное требование удовлетворения возрастающих человеческих потребностей. В основе решения этой задачи лежит совершенствующийся способ производства соответствующих благ. Сверхзадачей, которая должна быть решена общественными формами организации экономики, выступает обеспечение прогресса материального производства, ибо только

этот прогресс является основой социального и культурного прогресса.

2. Развитие индустрии само по себе не может гарантировать "прямое прогрессивное поступательное и позитивно направленное" общественное развитие; индустрия, ставшая важнейшей материальной базой производства в XX веке, породила, к примеру, два типа общественной организации, которые называются в классической литературе капитализмом и социализмом. Характерно, что как праволиберальное направление, которое считает коммунизм «империей зла», так и крайне левое, считающее капитализм источником мировых проблем, не дают ответа на вызовы современности.

3. Из сказанного выше не следует, однако, вывод, что проблемы можно решить путем механического соединения элементов капитализма и социализма, их "интеграции" либо "конвергенции". Как отмечено выше, решение состоит не в формальном сведении вместе черт двух крайних систем, а в том, чтобы создать новый общественно-экономический организм, естественным образом "прорастающий" из современной общественно-экономической конструкции, адекватный задаче перехода к новому качеству материального производства, рождающемуся в XXI веке, и позволяющий сформировать предпосылки для осуществления такого перехода.

4. Сделать это надо так, чтобы не повторять трагический опыт революционных потрясений и гражданских войн прошедшего столетия. Необходимо реформирование экономических и иных общественных институтов с целью обеспечения прогресса современных технологий. При этом необходима *синхронизация технологических и общественных изменений*, поскольку именно их асинхронность, отставание общественного устройства от темпов развития материального производства и научно-технологического уклада, как показал опыт эпохи Великой трехчастной Российской революции, и порождает напряжение и рост противоречий внутри любой социально-экономической системы, чреватое революцией.

* * *

Коллеги!

Рост знаниеемкого производства – главный тренд современности, глобального экономического развития. Главный ресурс будущего – не ископаемые или естественные источники энергии, а знания (в первую очередь, имплементируемые в технологии). Экономические лидеры будущего – лидеры технологические.

Сейчас Россия, экономика которой продолжает опираться на экспорт сырья, имеет значительное отставание в технологическом отношении от более развитых держав. В каких-то секторах нам удастся удерживать или возобновлять передовой уровень технологий, но по большинству направлений мы откатились назад. И если в ближайшее время мы не создадим экономические формы, обеспечивающие переход на новый уровень развития материального производства, который мы в ИНИРе определяем как новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2), это грозит нашей стране усилением социального напряжения в обществе. Нарастает угроза десинхронизации развития объективных потребностей продвижения новейших технологий, с одной стороны, и формирования тех общественных отношений и институтов, которые должны обеспечить эти потребности – с другой.

Нам остро необходимы две вещи.

Первая – осознанно принятая новая модель нашей экономики, презюмирующая приоритет индустриального развития, со всеми вытекающими из этого посыла решениями в экономике, институтах и т.п.

И второе – консолидация общества, национальных элит для реализации этой модели на платформе общей ответственности за решение назревших проблем, стоящих перед страной.

И это – главный урок Великой Русской Революции 1905-1917 годов.

Спасибо за внимание.

Литература.

1. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. С. 86
2. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. Полн.собр. соч. М.: Политиздат, 1960, с. 103
3. Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. – М.: Воениздат, 1956. С. 133
4. Плеханов Г.В. Наши разногласия / Избранные философские произведения в пяти томах. Том I. Госполитиздат, М., 1956. – 851 с.
5. Статистический ежегодник России. 1913 г. Издание ЦСК МВД. СПб., 1914.
6. Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. Российская Академия Наук, Институт Российской истории. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр "БЛИЦ", 1995. <http://istmat.info/node/166>